

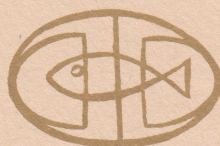
СИМВОЛ

журнал
христианской
культуры,
основанный
Славянской
библиотекой
в Париже

№59
(2011)

Париж-Москва

НИДЕРЛАНДСКАЯ ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ISSN 0222–1292

Главный редактор

Николай Мусхелишвили

Редколлегия журнала

Анатолий Ахутин
Галина Вдовина
Октавио Вилчес-Ландин †
Жан-Мари Глорье, SJ
Андрей Коваль
Рене Маришаль, SJ
Николай Селезнев
Дмитрий Спивак
Сергей Хоружий
Николай Шабуров

Редактор номера Николай Мусхелишвили

СИМВОЛ

Редакция

105005 МОСКВА
ул. Фридриха Энгельса, 46, стр. 4
тел.: (499) 261 0146 / факс (499) 261 3359
e-mail: symbol_muskh@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77–29404 от 14.09.2007 г.

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы

НИДЕРЛАНДСКАЯ ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 3

ГРУНЕНДАЛЬ

Михаил Хорьков

Ян ван Рюйсбрук: удивительное и реальное
в жизни великого фламандского мистика 9

Ян ван Рюйсбрук

Книга прояснения 75

Ян ван Лёвен

Избранные фрагменты 94

Корнелис де Фойс

Майстер Экхарт и нидерландская мистика 110

Приложение

Ян ван Лёвен о Майстере Экхартe 116

«НОВОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ»

К.К.Л.М. де Бер

Духовность Герта Гроте на основании свидетельств
о его жизни и его сочинений 133

Маргарита Логутова

Фома Кемпийский и «новое благочестие» 181

«ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА»

Михаил Хорьков

Трактат «Евангельская жемчужина»
и рецепция позднесредневековой нижнерейнской мистики
в контексте духовной культуры раннего Нового времени 263

Евангельская жемчужина». Анонимный фламандский трактат
нач. XVI в. (избранные главы) 277

Коротко об авторах 317

LITTÉRATURE SPIRITUELLE NÉERLANDAISE DU MOYEN ÂGE TARDIF
ET DES TEMPS MODERNES NAISSANTS

TABLE DES MATIÈRES

EDITORIAL 3

GROENENDAAL

MIKHAIL KHORKOV

JAN VAN RUUSBROEC: L'ADMIRABLE ET LE RÉEL DANS LA VIE DU GRAND MYSTIQUE
FLAMAND 9

JAN VAN RUUSBROEC

«BOECSKEN DER VERCLARINGHE».
(TRADUIT PAR MIKHAIL KHORKOV) 75

JAN VAN LEEUWEN

FRAGMENTS CHOISIS. INTRODUCTION ET TRADUCTION
PAR MIKHAIL KHORKOV 94

CORNELIS DE VOOYS

MAÎTRE ECKHART ET LA MYSTIQUE NÉERLANDAISE.
(TRADUIT PAR MIKHAIL KHORKOV) 110

L'ANNEXE: JAN VAN LEEUWEN SUR MAÎTRE ECKHART.

(TRADUIT PAR MIKHAIL KHORKOV) 116

LA DEVOTIO MODERNA

K. C. L. M. DE BEER

LA SPIRITUALITÉ DE GEERT GROOTE EN TÉMOIGNAGES DE SA VIE
ET DE SES ŒUVRES. (TRADUIT PAR MIKHAIL KHORKOV) 133

MARGARITA LOGUTOVA

THOMAS À KEMPIS ET LA *DEVOTIO MODERNA* 181

«LA PERLE ÉVANGÉLIQUE»

MIKHAIL KHORKOV

LE TRAITÉ «LA PERLE ÉVANGÉLIQUE», ET LA RÉCEPTION DE LA MYSTIQUE RHÉNO-
FLAMANDE DU MOYEN ÂGE TARDIF DANS LE CONTEXTE DE LA CULTURE
SPIRITUELLE DES TEMPS MODERNES NAISSANTS 263

«LA PERLE ÉVANGÉLIQUE», UN TRAITÉ FLAMAND ANONYME
(COMMENCEMENT DU XVI SIÈCLE). CHAPITRES CHOISIS.

(TRADUIT PAR MIKHAIL KHORKOV) 277

BRÈVES NOTICES SUR NOS AUTEURS 317

ЯН ВАН РЮЙСБРУК: УДИВИТЕЛЬНОЕ И РЕАЛЬНОЕ В ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ФЛАМАНДСКОГО МИСТИКА*

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ ЯНА ВАН РЮЙСБРУКА
И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

О жизни Яна ван Рюйсбрука (ок. 1293–1381 г.) известно мало достоверного. Датированных временем его жизни подлинных документов, уделяющих Рюйсбруку сколько-нибудь внимания, не сохранилось. Сам о себе он не рассказал ничего. Его сочинения не содержат никаких автобиографических пассажей. Все известные сведения о жизни Рюйсбрука — это преимущественно памятники агиографического характера, авторами которых были главным образом его ученики и последователи из монастыря Грунендаль, а также немногочисленные эпистолярные свидетельства. Определенную ценность представляют «Элогии», краткий агиографический сборник, состоящий из четырех частей и приписываемый повару из монастыря Грунендаль Яну ван Лёвену (Яну ван Аффлигему)¹. Одаренный духовный писатель и темпераментный полемист, Ян ван Лёвен скончался предположительно в 1378 г., за три года до Рюйсбрука. Это заставляет усомниться в том, что он мог быть автором третьей и четвертой частей «Элогий», написанных, очевидно, после его смерти и повествующих о последних годах жизни Рюйсбрука. По-видимому, эти части были записаны на основе воспоминаний ученика Рюйсбрука Яна ван Схонхофена, ставшего монахом в Грунендале в 1377 году. Первые же две части «Элогий», которые, возможно, восходят к аутентичным записям Яна ван Лёвена, были затем переработаны неизвестным

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научно-исследовательского фонда, проект № 10–03–00177а «От Майстера Экхарта к Николаю Кузанскому: трансформация метафизики в Западной Европе XIV–XV вв.».

¹ *Jan van Leeuwen. Elogia* / ed. W.L. de Vreese. Bijdragen tot de kennis van het leven en de werken van Jan van Ruysbroek. Gent, 1896.

редактором для придания им стилистической и тематической цельности с другими двумя частями. Созданные последователями и почитателями Рюйсбрука, «Элогии» отличает обобщенная агиографическая стилизованность, подчиняющаяся духу сформировавшегося в Грундале культа учителя и первого наставника, которая, принимая во внимание краткость и поверхностность текста, не позволяет рассматривать «Элогии» как главное, абсолютно достоверное и исторически точное свидетельство о жизни фламандского мистика.

Наиболее полное жизнеописание Рюйсбрука представил около 1420 г. в своем сочинении «О возникновении монастыря Грундал и деяниях отцов и братии исконно и в воодушевлении проводивших там житие» Генрик Богартс, именуемый также Померием, который с 1411 г. был каноником в Грундале². Его сочинение также ориентируется на агиографические образцы и не столько сообщает подлинные биографические факты из жизни Рюйсбрука, сколько маскирует их восторженной риторикой общих мест, напоминающей панегирик. И все же сочинение Померия, также довольно краткое, содержит несравненно больше фактов, чем «Элогии». Оно было создано, по-видимому, между 1417 и 1421 гг., когда еще были живы люди, лично знавшие Рюйсбрука. Это обстоятельство позволяет считать многие сообщаемые Померием факты если и не точной фиксацией событий, то, по крайней мере, отражением действительно имевших место фактов. В этом смысле текст Померия красноречив даже в умолчании тех или иных обстоятельств жизни Рюйсбрука. Датировка же сообщаемых событий, к сожалению, в этом сочинении не всегда ясна вследствие хронологической условности агиографии как жанра. Не исключено также, что Померий мог воспользоваться неким житием Рюйсбрука, которое, по-видимому, было создано сразу после смерти наставника его ближайшими учениками, скорее всего, Яном ван Схонхофеном, но не сохранилось. Характер некоторых сообщаемых Померием сведений говорит о том, что они могли стать ему известны лишь из каких-то уже существовавших к его времени в монастыре Грундал подробных биографических текстов. Начиная с Сурия, латинского переводчика

² *Henricus ex Pomerio (Pomerius). De origine Monasterii Viridisvallis et de gestis patrum et fratrum in primordiali fervore ibidem degentium / primum editum opera hagiographorum Bollandianum. Paris, Bruxelles, 1885 (Analecta Bollandiana. 4).*

Рюйсбрука, сочинение Померия стало основой всех биографий великого фламандского мистика, независимо от того, относятся ли к нему с благоговейным пиететом или, напротив, критически.

Внимания заслуживает также предисловие к сборнику сочинений Рюйсбрука, составленному картузианцами из монастыря Херне (Эрин), расположенного недалеко от Грунендаля. С этим картузианским монастырем Рюйсбрук поддерживал при жизни тесную связь. Автором предисловия является брат Герарт ван Херне (Герхард Нагель), лично знавший Рюйсбрука. Свободный от грунендальской корпоративной ангажированности и сложившихся там стереотипов описания учителя, Герарт сообщает ряд любопытных и важных фактов, отличающихся, по-видимому, значительной достоверностью. Так, он пишет о том, как без дома Рюйсбрука ему удалось получить из Грунендаля некоторые сочинения великого мистика, вызвавшие у него вопросы и сомнения, и как Рюйсбрук посетил его однажды в Херне, дабы рассеять эти сомнения. По свидетельству Герарта, Рюйсбрук писал свои сочинения по-фламандски не вследствие своей необразованности, но желая религиозно просветить и спасти души своей паствы, о которой он не переставал заботиться, даже переселившись из Брюсселя в Грунендаль. Латинским языком, сообщает нам картузианец, Рюйсбрук владел, и владел достаточно хорошо для того, чтобы быть хорошим клириком.

Заслуга разработки новейшей критической научной биографии Рюйсбрука принадлежит фламандскому исследователю Герту Варнару, предпринявшему в ряде публикаций последних лет попытку научной реконструкции жизни великого мистика³. Традиционную двухчастную схему жизненного пути Рюйсбрука (до 1343 г. Брюссель и с 1343 г. Грунендаль), восходящую к житийной модели, Г. Варнар предлагает заменить трехчастной: 1) Брюссель, где Рюйсбрук получает воспитание и становится священником (1293–1343 гг.), 2) Рюйсбрук – священник и духовный наставник

³ *Warnar, Geert*. Het leven van Jan van Ruusbroec: Biografie en beeldvorming // Een claer verlicht man. Over het leven en werk van Jan van Ruusbroec (1293–1381) / eds. E.P. Bos, Geert Warnar. Hilversum, 1993, blz. 13–30; *idem*. De chronologie van Jan van Ruusbroecs werken // Ons Geestelijk Erf (OGE). 68. 1994, blz. 185–199; *idem*. Ruusbroec: literatuur en mystiek in de veertiende eeuw. Amsterdam: Athenaeum – Polak & Van Gennep, 2003. Английский перевод см.: *idem*. Ruusbroec: Literature and Mysticism in the Fourteenth Century / translated by Diane Webb. Leiden, Boston: Brill, 2007.

в Грунендале (1343–1350 гг.), 3) Рюйсбрук — монах и приор августинского монастыря Грунендаль (1350–1381 гг.).

Справедливости ради следует сразу сказать, что о первых годах жизни Яна ван Рюйсбрука достоверно ничего не известно. Скорее всего, он провел их не в Брюсселе, а в селении Рюйсбрук, расположенном на расстоянии пяти километров к юго-западу от Брюсселя. В настоящее время это место превратилось фактически в пригород Брюсселя, в котором находится также небольшая железнодорожная станция, тоже носящая название «Рюйсбрук» и лежащая на железной дороге из Брюсселя в Париж. Именно на основании предполагаемого места рождения основателя Грунендаля традиционно и именуют Яном ван Рюйсбруком, что означает просто «Ян из Рюйсбрука». Традиция не случайно не сохранила фамильное имя Яна. Судя по всему, его происхождение было не очень знатным, скорее всего, довольно низким, а по средневековым представлениям, возможно, еще и предосудительным и весьма недостойным, потому что не исключено, что он был незаконнорожденным. Отец Яна ван Рюйсбрука достоверно не известен. Имя матери также не сохранилось. В возрасте одиннадцати лет, как о том пишет Померий, мальчик «по божественному наитию» отправился в Брюссель «ради своего духовного роста». Там он встречает каноника Яна Хинкерта, который с радостью принимает мальчика в свой дом, обучает и воспитывает его, питая к нему нежные отеческие чувства⁴. Померий характеризует их как *generis affinitas*⁵, что дает большинству исследователей основание считать Хинкерта дядей или кузеном Яна ван Рюйсбрука. Правда, точно не ясно, был ли он родственником по линии матери или по линии отца; непонятна также и сама степень родства, которая вполне могла быть двоюродной и даже троюродной. Описание Померия дает в этом плане самые расплывчатые сведения.

Наиболее распространенной и не конфликтующей с благочестивым отношением к фигуре святого является версия, согласно которой мать Яна ван Рюйсбрука происходила из рода Хинкерта (степень родства в данном случае имеет второстепенное значение) и была замужем за неким рыцарем из Рюйсбрука, умершим еще до рождения своего сына. Когда же Ян родился, то оставшаяся без мужа, а со временем и без средств к существованию, бедная

⁴ *Pomerius*. II. 2, p. 284.

⁵ *Pomerius*. I. 10, p. 273.

вдова вынуждена была послать сына в Брюссель на воспитание к влиятельному родственнику.

Странность отношений между Яном ван Рюйсбруком и Яном Хинкертотом, ставших для обоих мужчин главными на всю жизнь и переросшими во взаимную пожизненную привязанность, заставила К. Ру заподозрить, что Хинкерт был не кем иным, как родным отцом Рюйсбрука, искуплявшим греховную незаконность рождения своего сына и позор его матери тем, что воспитывал мальчика в своем доме и заботился о его матери, которую, скорее всего, поместил в брюссельский бегинаж, где она скончалась ок. 1317 г.⁶ Впрочем, не исключено, что Ян Хинкерт вообще не был родственником Яну ван Рюйсбруку или, по крайней мере, состоял с ним не в очень близком родстве. В том, что в эпоху, когда заботящиеся о сиротах социальные службы были еще не развиты, священник, у которого не могло быть законных детей, взял к себе в дом на воспитание сироту, нет ничего удивительного или предосудительного. Кроме того, маловероятно, что Рюйсбрук был официально признан незаконнорожденным. В этом случае он не смог бы так легко и рано стать священником и занимать в Брюсселе престижные и доходные церковные посты.

Как бы то ни было, благодаря Яну Хинкертоту, занимавшему видную должность каноника в главном городском храме Брюсселя, церкви св. Худеле, Ян ван Рюйсбрук получает образование при соборной школе, подготовившее его к поприщу священника. По-видимому, в этой школе он учился около четырех лет и, в соответствии с принятой в то время моделью образования, познакомился там с азами тривиума и квадривиума. Насколько известно, на этом систематическое школьное образование Рюйсбрука закончилось. Вследствие этого широко распространилось представление о том, что Рюйсбрук совершенно не владел латинским языком или владел им не в той степени, которая позволяла бы писать сочинения на этом языке. В самом деле, все его сочинения написаны на фламандском языке и лишены признаков строгого схоластического метода. Между тем, на этом основании вряд ли можно утверждать, что Рюйсбрука следует рассматривать как «неученого простеца» (*idiota sine litteris*). Другое дело, что Рюйсбрук не имел схоластического образования, не изучал философию и

⁶ *Ruh, K. Geschichte der abendländischen Mystik. Band 4. München, 1999, S. 32.*

теологию в университете. Он учился самостоятельно, много читая, а также постигал христианскую духовную премудрость в приватном кружке немногих единомышленников, упражняющихся в практике благочестивой жизни. В начитанности Рюйсбрука и глубоком понимании им тончайших интеллектуальных и духовных проблем Померий видел проявления ниспосланного Св. Духом дара⁷. Существует легенда о том, что молодой Рюйсбрук посещал ряд школ в Кёльне, в том числе доминиканский *studium generale*. Это маловероятно, а легенда, скорее всего, обязана своим появлением терминологической близости мистики Рюйсбрука с мистикой рейнской доминиканской школы, прежде всего с фигурами мысли, формулировками и метафорами, восходящими к текстам Майстера Экхарта. Впрочем, близость эта лишь поверхностная. В концептуальном плане Рюйсбрука и Экхарта следует рассматривать, скорее, как антиподов. И это косвенно подтверждает, что генетически Рюйсбрук с немецкой рейнской мистикой связан не был и никак от нее не зависел.

Как показывают сочинения фламандского мистика, он хорошо знал книги Августина, Дионисия Ареопагита, Бернарда Клервосского, Вильяма Сен-Тьерри, викторинцев. Всех этих авторов он, возможно, читал на латинском языке. Обращает на себя внимание не только общая мистическая ориентация сочинений, входивших в предполагаемый круг чтения Рюйсбрука, но и то, что среди них не было текстов мыслителей высокой университетской схоластики. Он ориентируется на более древний тип христианской культуры, хранящий патристические идеалы. Схоластику он не просто не знал, потому что не учился в университете, но и не стремился узнавать и заниматься ею, хотя, как свидетельствуют его сочинения, был в курсе главных богословских проблем своего времени, о которых спорили университетские профессора богословия. В последнем случае он, вероятно, довольствовался схоластическими компиляциями и переводами на народные языки (фламандский и средневерхненемецкий), т.е. так называемой «народной теологией». Рюйсбрук — это тот специфический тип религиозно и мистически настроенного городского интеллектуала, появление которого свидетельствует о переходности эпохи, отмеченной кризисом старых форм духовности и едва просматриваемыми контурами новых типов интеллектуальной и рели-

⁷ *Pomerius*. II. 14, p. 293.

гиозной жизни. В этом смысле внешний архаизм простеца оказывается той оболочкой, внутри которой просматривается попытка радикального преодоления университетской схоластики и схоластической мистики.

Жизненные обстоятельства, вследствие которых развитие Яна ван Рюйсбрука с молодых лет не пошло путем схоластики, в перспективе времени весьма симптоматичны и в известном смысле даже закономерны. Рюйсбрук не стремился стать ученым схоластом, тем более что школы бюргерского Брюсселя были не настолько хороши для удовлетворения такого желания, даже если бы оно и возникло. Рюйсбрук желал быть хорошим священником, угодным Богу и полезным своей пастве. Он был рукоположен предположительно в 1317 г., когда ему было двадцать четыре года. Это произошло в том же году, когда умерла его мать. Агиографические памятники считают это не случайным, рассказывая следующую легенду. Рюйсбруку было видение души умершей матери, мучившейся в чистилище и сообщившей ему, что конец этим мукам наступит только тогда, когда сын, став священником, отслужит первую мессу.

В действительности путь Рюйсбрука к священническому сану был, скорее всего, длительным. Само воспитание в доме Хинкerta и полученное молодым Яном образование не оставляли ему иных вариантов выбора жизненного пути. Он учился на священника и получил свой сан по цеховому принципу, т.е. самым обычным, нормативным для средневекового горожанина способом. Тем не менее, в случае Рюйсбрука вряд ли можно говорить просто о банальном автоматизме корпоративно-цеховых ритуалов. Он очень рано почувствовал свое духовное призвание. Ощувив, что школьные науки не удовлетворяют его духовных запросов, Рюйсбрук, как сообщает его жизнеописание, пожелал изучать Божественную Премудрость по образцу св. Бенедикта, а не по урокам в школе. Он стремился к уединению и покою аскетической тишины, преисполненных напряженного духовного делания ради спасения душ других людей. Легенда о спасении Рюйсбруком души матери, как и все житийные легенды, полна глубокого смысла, открывая истину предназначения великого фламандца – спасать в бескорыстном служении Богу души ближних.

Но в действительности у городского священника в Брюсселе XIV в. возможностей для этого было немного. Повседневная рутинная, многолюдство и соблазны большого города не могли спо-

собствовать той чистоте и собранности духа, которых искал молодой священник. Рюйсбрук был викарием и капелланом церкви св. Худеле, помогая Яну Хинкерту в храме и делах прихода. Вряд ли он, как и его наставник Хинкерт, питал иллюзии о качестве городской религиозной жизни и, в особенности, о состоянии большей части приходского духовенства, не отвечавшем ни его идеалам служения Богу, ни запросам ставшей чуткой к вопросам веры паствы.

Можно предположить, что Рюйсбрук был деятельным духовным наставником. Согласно Померию⁸, в Брюсселе он вел активную борьбу с так называемой ересью «свободного духа». Так, он разоблачил как зловредную еретичку одну именитую и богатую даму по имени Хельвига Блумартс, вошедшую в народное предание под именем Блумардины, которая жила в собственном доме на Локсумской улице по соседству с домом Хинкерта. Она проповедовала собственное мистическое учение, и когда учила или писала свои сочинения, то восседала в своих покоях на серебряном троне. Ее богатый дом был превращен в бегинаж, отличавшийся от других экстравагантными элементами придворности: сложным экзотичным церемониалом, помпезным этикетом и куртуазным символизмом духовной практики. Так, когда Блумардина шла к причастию, то ее сопровождали провокационно наряженные провожатые, которых она называла «серафимами». По словам Померия, Блумардина писала и проповедовала о «свободном духе» (*de spiritu libertatis*) и о «гнусной плотской любви». При этом она впадала в серьезное и опасное заблуждение, путая серафическую и плотскую любовь, которые, по ее утверждению, для свободного человека являются равнозначными.

В действительности как мера экстравагантности Блумардины, так и степень ее еретичности были сильно преувеличены Померием. Современные Блумардине исторические документы описывают ее не как одержимую лже-наставницу, но как благочестивую и добродетельную даму, женский тип религиозности которой, близкий как по формам набожности, так и в богословских аспектах, бегинскому, возможно, не мог нравиться соборным клирикам Рюйсбруку и Хинкерту своей антиерархической свободой и неподконтрольностью. Блумардина была набожной дамой, много помогавшей бедным и больным и завещавшей после своей

⁸ *Pomerius*. II. 5.

смерти значительную часть своих богатств на благотворительные цели. Бегинаж, который она организовала, предоставлял работу вдовам и сиротам, ухаживал за больными и немощными. Ничего вызывающего современники в нем не отмечали. Блумардина мирно скончалась в 1335 г., при жизни никем не обвиненная и не заподозренная в ереси. Этот образ реальной Блумардины, реконструируемый на основе современных ей исторических документов из городской жизни Брюсселя и так сильно контрастирующий с тем, что позднее рассказывал об этой женщине Померий, заставил Г. Варнара даже выдвинуть оригинальную гипотезу о ней как о настоящем авторе текстов, приписываемых легендарной Хадевице, время жизни которой по традиции относят к более раннему периоду⁹.

Между тем, в рассказе Померия не следует видеть одну лишь выдумку. Как и в других случаях, легенда искажает детали для того, чтобы приблизить читателя к сокровенной истине произошедшего. Сочинения Рюйсбрука свидетельствуют о том, что их автор не только хорошо знал о ереси «свободного духа» и о впадших из-за пренебрежения к традиционной церковной религиозности в ересь бегинках, но и занимал по отношению к ним последовательно негативную позицию. Очевидно, что познакомиться с этими еретиками, равно как и с их учениями, Рюйсбрук мог только во время своей жизни в Брюсселе, важном перекрестке разнообразных духовных течений позднего Средневековья. Не исключено, что в его деятельности духовного наставника были частыми встречи с бегинками и менее организованными религиозно настроенными женщинами, составлявшими, по-видимому, весомую часть его паствы, что для городской атмосферы того времени было, скорее, нормой, нежели исключением. Возможно, собственные мистические сочинения Рюйсбрука, которые он начинает писать в эти годы, были своего рода реакцией на женскую мистику фламандских бегиннок; не исключено, что он желал привести в порядок их постоянно колеблющуюся на зыбкой грани между ересью и святостью религиозность. Своеобразным отголоском этих реальных событий, их символическим олицетворением

⁹ *Warnar, Geert*. Ruusbroec: literatuur en mystiek in de veertiende eeuw, blz. 69–80; *idem*. Ruusbroec: Literature and Mysticism in the Fourteenth Century, p. 67–80.

и стало грунендальское предание о Блумардине, которым некритически воспользовался Померий.

В противовес тому, что благочестиво рассказывают легенды, можно говорить о том, что с самого детства и до глубокой старости жизнь Рюйсбрука, по крайней мере, внешне, не была бурной и не отличалась ни драматизмом жизненных обстоятельств, ни напряженной борьбой с противниками. Созерцательный склад души фламандского святого с юных лет словно бы ограждал его от общественных тревожений и необходимости активной деятельности, позволяя выстраивать свою жизнь исключительно духовным образом. Немногочисленные важные события в его долгой жизни то ли в силу сопротивления непреодолимых или ограничивающих поведение обстоятельств, то ли в силу склада характера фламандского святого развивались медленно. Но за каждым таким изменением, тем не менее, чувствуется глубокая драма внутреннего духовного напряжения. Хотя, к сожалению, нам и не известны все подробности. Так, мы не знаем, почему около 1335 г. Рюйсбрук стал сочинять мистические трактаты. Но это произошло. Возможно, вынашивал он их долго, а записывать начал лишь годы спустя. Тем не менее, в зрелые годы сочинение духовно-мистических текстов было главным, а временами, возможно, и единственным делом Рюйсбрука. По крайней мере, именно об этой деятельности, точнее, о ее результатах нам известно лучше всего.

Важнейший поворот как в жизни Рюйсбрука, так и в жизни Хинкerta произошел в 1337 г., когда Хинкерт, прослушав одну из проповедей в храме, был настолько глубоко потрясен, что отказался от своей престижной должности и начал вести в своем доме уединенную созерцательную жизнь. Считается, что Рюйсбрук принял в этом обращении самое непосредственное участие, так как именно он и читал ту самую проповедь. Факт этот источниками не подтверждается, хотя и вполне вероятен. Приблизительно в то же время в доме Хинкerta поселяется Франк ван Хоуденберг, который присоединяется к хозяину дома и разделяет с ним созерцательный образ жизни. Франк был знатного рыцарского происхождения, изучал право и теологию в Парижском и Пражском университетах и ко времени своего обращения к созерцательной жизни был каноником в той же самой церкви, что и Хинкерт.

То, что Рюйсбрук был непосредственно вовлечен во все эти события, происходившие с самыми близкими для него людьми,

не вызывает сомнений. Какую роль он во всем этом играл и что именно делал, не известно. Даже если он и не был единственным инициатором, духовным руководителем и катализатором обращения Яна Хинкerta и Франка ван Хоуденберга к новой форме духовной жизни, как это рисует агиография, то вряд ли его позиция была пассивной. С самого начала он не просто поддержал начинание Хинкerta и ван Хоуденберга, но незамедлительно к ним присоединился. Не исключено, что именно в это время Рюйсбрук начинает работать над сочинением «Духовный брак». Трое священников образовали особую форму религиозного сообщества, имевшую аскетически-созерцательные цели и напоминавшую скит восточной христианской традиции, с той только разницей, что поначалу «скит» брюссельцев состоял отнюдь не из монахов, живших по определенному уставу, а из соборных каноников, и располагался в обычном доме в центре большого оживленного города. Этим он напоминал многие религиозные сообщества позднего Средневековья, такие, например, как некоторые группы, близкие кружку базельских «друзей Божьих», или общины братьев и сестер общей жизни, возникшие в рамках движения «нового благочестия» (*devotio moderna*). Последние, правда, были, как правило, в своем большинстве мирянами, тогда как основанное ван Хоуденбергом, Хинкертотом и Рюйсбруком сообщество целиком состояло из священников. В его появлении можно разглядеть важную для позднего Средневековья тенденцию сближения приходской и монастырской, созерцательной и деятельной жизни, публичности и мистической отстраненности духовных лиц, которые стали ориентироваться на патристические идеалы и стремились преодолеть досадный разрыв между клиром и мирянами, монахами и приходскими священниками, аскетическими идеалами и хозяйственной практикой церковных институтов, разрушавший Церковь.

Однако очень скоро, сочтя даже самую добродетельную и воздержную жизнь в городе преисполненной соблазнов и недостаточно уединенной, друзья решают уехать из Брюсселя и основать в уединенной лесистой местности за городом образцовый приход. Благодаря связям ван Хоуденберга в аристократических и придворных кругах они получают от герцога Яна III Брабантского место для поселения в Грунендале, расположенном в лесу Зониен к юго-востоку от Брюсселя, а брюссельский епископ соглашается на их переселение из города. Происходит это в 1343 году. Хин-

керт к тому времени был, по-видимому, уже в преклонных годах, и его желание провести остаток дней в праведном созерцательном спокойствии понятно. Однако Франк ван Хоуденберг и Ян ван Рюйсбрук были тоже уже далеко не молодыми. Последнему из двух в год переселения в Грунендаль должно было исполниться пятьдесят лет.

Для созерцательной и уединенной жизни лучшего места в окрестностях Брюсселя, чем Грунендаль, нельзя было и придумать. Лес Зониен надежно скрывал поселение от посторонних. Прежде в Грунендале располагался охотничий домик брабантских герцогов, к нач. XIV в. преобразованный в уединенное жилище отшельника по имени Ламберт. Его попросили переехать в другое место, и когда он согласился, то 16 апреля 1643 г. брабантским герцогом была подписана грамота, по которой Грунендаль передавался в пользование Франку ван Хоуденбергу. Предпочтение герцогом скитской формы поселения перед одиночным отшельничеством в данном случае симптоматично. За ним просматривается важная тенденция духовной жизни того времени. Отшельничество как радикальное обращение к Богу отвечало глубинным запросам позднесредневековой религиозности и поэтому получило в тот период заметное распространение в Европе. Но отшельники-одиночки своей радикальной и неконтролируемой асоциальностью представляли некоторую угрозу и были постоянным антииерархическим соблазном для еретиков, охотно скрывавших в отшельническом обличье неортодоксальность своих взглядов либо приписывавших молчаливым отшельникам свои расходящиеся с церковными воззрения. Хотя отшельники пользовались популярностью в народе, церковным и светским властям было трудно, если вообще возможно, контролировать их деятельность, а активной поддержки от отшельников в деле религиозного и нравственного воспитания подданных ожидать также не приходилось. Поэтому власти и стали охотнее поощрять другие формы созерцательной религиозной жизни, отличавшиеся большей публичностью, организованностью и институционализированностью.

Переселившись в Грунендаль, друзья сразу строят там капеллу, которая в 1345 г. была освящена как храм их общины. Прислышав о чудесных поселенцах Грунендаля, туда начинают приходить новые люди, также стремящиеся к уединению и созерцательной жизни. Община стремительно росла, и поэтому в 1349

или 1350 г. по совету приора парижского монастыря Сен-Виктор Пьера де Сола ее решили преобразовать в монастырь, живущий по уставу августинцев-каноников. Основание нового монастыря поддержал и епископ Камбрэ (Камерейка), в епархии которого находился Грунендал. Причиной этого, возможно, был двойственный, если не сказать подозрительный в глазах церковных властей статус общины, состоящей преимущественно из приходских священников и клира городских храмов, решивших вести не свойственную их статусу созерцательную скитскую жизнь, традиционно подобающую лишь монахам строгого орденового устава. Подчинение грунендальской общины уставу августинцев-каноников с церковно-правовой точки зрения придало их духовным поискам легитимный статус.

Правда, остается не до конца понятным, почему, будучи по своему образу жизни и духовному настрою отшельниками скитского типа и ведя довольно строгий аскетический образ жизни, члены грунендальской общины приняли не устав августинцев-эремитов, но более мягкий устав августинских регулярных каноников. Объяснением в данном случае может быть более индивидуальный и неформальный характер того нового типа духовности, который если и можно было легализовать старыми орденовыми уставами, то организовывать и стимулировать его ими было невозможно. Этот новый тип религиозности исходит из свободы и ответственности индивидуального покаяния и поиска Христа, прийти к которому каждый человек может и должен только самостоятельно. Другой человек может помочь ищущему, но ответственности за чужие промахи он не несет; он сочувствует, сопереживает, руководит, советует, подчиняется, но не участвует в достижениях другого, потому что каждая душа получает свою меру благодати по своим заслугам и спасается сама. Общежитийная ответственность и духовный коллективизм старых орденов перед лицом этой новой европейской религиозности казались если и не безнадежно устаревшими, то, несомненно, не актуальными.

Новый монастырь в Грунендале был освящен 10 марта 1349 или 1350 году. Франк ван Хоуденберг стал его настоятелем, Ян ван Рюйсбрук — приором. Эти должности каждый из них исполнял в течение многих лет вплоть до своей кончины. Рюйсбрук скончался в 1381 г., Франк — в 1386. В Грунендале Рюйсбруком были написаны большинство его сочинений, получивших признание не только у его ближайших последователей, но и распространивших-

ся широко в мистически настроенных кругах Фландрии, а затем и всей Европы. Фигура грунендальского приора сделалась притягательной, к нему потянулись посетители не только из окрестных мест, но и издалека. Среди них были и видные духовные лидеры своего времени. Так, в 1377 г. по дороге в Париж к Рюйсбруку на несколько дней заезжал один из основателей общины «братьев общей жизни» в Девентере, лидер движения *devotio moderna* Герт Гроте, о чем известно из собственных писем Гроте и рассказа Померия¹⁰.

Существует также легенда о посещении Рюйсбрука Иоганном Таулером. И хотя документально она не подтверждается, факт влияния Рюйсбрука на рейнскую мистику несомненен. Идеи и тексты Рюйсбрука были хорошо известны Рулману Мерсвину. По крайней мере, два сочинения фламандца — «Духовный брак» и «О сверкающем камне» — были широко распространены на Верхнем Рейне в немецких переводах¹¹ и существенно повлияли на переориентацию немецкой мистики во 2-й пол. XIV — XV вв. на последовательный августинизм. Не исключено, что грунендальский приор лично послал свои трактаты на Рейн по просьбе кружка «друзей Божьих».

Сам же Ян ван Рюйсбрук, живя в Грунендале, почти никуда не выезжал. Известно лишь о его трехдневном посещении картузианца Герарта ван Херне, жившего в своей обители в пяти милях от Грунендала. По-видимому, этот визит имел место около 1360 г. В последние годы жизни Рюйсбрук серьезно заболел. Видимо, конец его писательской активности приходится на время около 1365 г.

Уже вскоре после кончины Рюйсбрука стали почитать как святого. Когда пять лет спустя хоронили Франка ван Хоуденберга, епископ Камбрэ позволил эксгумировать тело Рюйсбрука, оказать ему подобающие святому почести и после этого перезахоронить пред алтарем в новой монастырской церкви. Но несмотря на широкое почитание в народе, канонизировали Рюйсбрука не

¹⁰ *Zul, Th. p. van. Gerard Groote, ascetic and reformer (1340–1385). Washington, 1963, p. 122; Pomerius. II. 8.*

¹¹ *Jan van Ruusbroecs „Brulocht“ in oberdeutscher Überlieferung / Hrsg. von Wolfgang Eichler. München: Beck, 1969; Jan van Ruusbroec. Van den blinkkenden steen in oberdeutscher Texttradition / Hrsg. von Wolfgang Eichler. München: Fink, 1968.*

сразу. В 1624 г. процесс его беатификации инициировал епископ Мехельна (Мешлена) Якоб Бонен, друг Янсения, однако по истечении трех лет этот процесс прервался. В 1783 г. процесс был вновь инициирован капитулом брюссельской церкви св. Худеле, но он был прерван из-за событий Французской революции. В третий раз инициатором процесса беатификации выступил в 1885 г. кардинал Госсенс. На этот раз дело было доведено до конца, и в 1908 г. во время понтификата папы Пия X Рюйсбрук был по всем правилам причислен к лику блаженных. Память Яна ван Рюйсбрука празднуется 2 декабря, в день его предполагаемой кончины. Наследниками монастыря Грундал, упраздненного в 1783 г. императором Иосифом II, в 1909 г. были объявлены диоцез Мехельна и латеранские каноники, в обязанность которым было вменено проводить мессы в честь бл. Иоанна из Рюйсбрука. Закрепившееся за Рюйсбруком прозвище «Удивительный» вошло в оборот благодаря картузианскому монаху из Кёльна Дионисию ван Рейкелю, известному под именем Дионисия Картузианца (1402/3—1471 гг.). Именно он в своих сочинениях и корреспонденции наградил фламандского мистика таким возвышенным эпитетом.

Сочинения

Несомненно принадлежащими Рюйсбруку Померий называет одиннадцать сочинений на фламандском языке, которые он перечисляет в порядке их возникновения¹²:

1. «Царство возлюбленных» («Dat rijke der ghelieven»);
2. «Духовный брак» («Die geestelike brulocht»); это сочинение известно также под названием «Одеяние духовного брака» («Die chierheit der gheestelijker brulocht»), скорее всего, более поздним и поэтому вряд ли оригинальным, но сохраненным Сурием в его латинском переводе трудов Рюйсбрука («De ornatu spiritualium nuptiarum») и поэтому за пределами Фландрии и Нидерландов ставшим даже более известным.
3. «О сверкающем камне» («Vanden blinkenden steen»);
4. «О четырех искушениях» («Vanden vier becoringhen»);

¹² *Pomerius*. II. 16.

5. «О христианской вере» («Vanden kerstenen ghelove»);
6. «О духовной скинии» («Vanden gheesteliken tabernakel»);
7. «О семи замках» («Vanden seven sloten»);
8. «Зерцало вечного блаженства» («Een spiegel der eeuwigher salicheit»);
9. «О семи ступенях духовной любви» («Van VII trappen in den graed der gheesteleker minnen»);
10. «Книга прояснения» («Boesken der verclaringhe»); другие ее названия: «О высшей истине» («Van hoechster waerheit»), «Самуил»;
11. «О двенадцати бегинках» («Vanden XII beghinen»).

Этому перечню соответствует Грунендальский манускрипт А, ныне хранящийся в Королевской Библиотеке в Брюсселе (Ms. 19295—97). Кроме того, сохранилось семь писем Рюйсбрука в латинском переводе, опубликованном Сурием. Фламандский оригинал сохранился лишь от четвертого и седьмого писем полностью, от пятого и шестого — частично. В латинском переводе известен также ряд небольших сочинений, автором которых считается Рюйсбрук: «Глосса к “Отче наш”», проповедь «О святом причастии», «Сумма всей духовной жизни», две духовные поэмы, молитва. При отсутствии оригиналов говорить в данном случае о стопроцентном авторстве Рюйсбрука не представляется возможным, тем более что в жанровом отношении эти тексты выбиваются из общего строя сочинений фламандского мистика. Исследователями были найдены также два небольших духовных фрагмента на фламандском языке, тематически и стилистически настолько близких Рюйсбруку, что их стали включать в собрания его сочинений, хотя, конечно, говорить о несомненном авторстве первого грунендальского приора в данном случае вряд ли возможно¹³.

Некоторое время назад Рюйсбруку также приписывалось сочинение «О двенадцати добродетелях» («Van den XII dogheden»). Так, Морис Метерлинк еще считает это сочинение принадлежа-

¹³ См.: *Ampe A. Kritisch onderzoek van enkele aan Ruusbroec toegeschreven teksten // Opstellen aangeboden aan Prof. Dr. L. Reypens ter gelegenheid van zijn Aachtigste verjaardag op 26 februari 1964 onder redactie van Albert Ampe. Antwerpen, 1964, blz. 1—36.*